

Земля древних легенд

Н. МИТРОФАНОВ

Как ни часто повторяют эту мысль, которая уже давно стала избитой, все-таки каждый раз, когда летишь на самолете и смотришь на землю, так и хочется сравнить открывающуюся картину с гигантской географической картой, но картой не бумажной, легко свертывающейся в трубку, а живой, подвижной, беспрестанно меняющейся. Разве на обычной карте Явы увидишь, как в декабре-январе на землю обрушиваются ливни, реки выходят из берегов, и не поймешь сразу, что такое внизу — залитая суша или мелеющее море? Разве увидишь на карте, как дымится вулкан с грозно звучащим именем Раунг (Ревущий)? В самолете по радио объявляют и высоту вулкана, и диаметр его кратера, но все это кажется мелочью, когда глядишь в его страшную, дымящуюся, желтую от серы пасть, в глубине которой видны ярко-красные пятна. Разве на карте отмечено, что у восточной оконечности Явы самолет встречают свинцовые тучи с молниями и в памяти сразу возникают прочитанные только сегодня утром в джакартских газетах сообщения о том, как самолет одной авиационной компании попал на днях в грозу и что из этого вышло.

Но вот самолет пробивается сквозь густую облачность, и вдруг в окне, где только что ничего не было, кроме черно-серых, пугающих туч, мы видим освещенные заходящим солнцем вершины высоких гор, буйную зелень лесов и кромку берега, очерченную белой пеной прибоя.

— Это Бали, господа, — слышится спокойный голос стюардессы.

Перешеек, на котором расположен аэропорт Тубан, настолько узок, что бетонная взлетная дорожка упирается с обоих концов в море. Выйдя из самолета, мы сразу чувствуем нежный пряный аромат не то цветов, не то благовоний — мы так и не поняли до конца, что это был за запах, но он сопровождал нас повсюду на Бали. Благоухание Бали...

Бали! Остров Богов, Остров Рая, Остров Счастья — как только не называют этот чудесный ма-

ленький кусочек индонезийской земли, так прочно вошедший во все книги об Индонезии, во все туристские справочники и путеводители.

145 километров с запада на восток и 90 километров с севера на юг, общая площадь 5621 квадратный километр, приблизительно два с половиной миллиона населения, административный центр — город Денпасар — так сухо говорят об этом острове справочники в разделе «Общие данные». Вулканы, действующие и потухшие, поражающие своей красотой горные озера — читаем мы в разделе «Природные условия». А дальше обычно следует раздел «Население, история, обычаи, религия»...

Если зарыться в толстые фолианты и, чихая от пыли, стараться добраться до истины, то можно, наверное, понять, почему уцелела здесь, словно в природном музее, своеобразная и неповторимая культура и древняя религия, устоявшая и перед католическими монахами, и перед двигавшейся с запада волной ислама. Пожелтевшие страницы расскажут и о том, как отбивали балийцы нашествия войск принцев и раджей других островов, как боролись они копьями и кинжалами-крисами против пущек и ружей «знаменосцев европейской цивилизации» — голландских колонизаторов, которые залили балийскую землю кровью ее сынов и дочерей и разрушили ценнейшие древние храмы и памятники.

В мировоззрении балийцев, столь широко отраженном в их искусстве, значительную роль играет проблема извечной борьбы добра и зла. Об этой никогда не прекращающейся борьбе, пожалуй, с наибольшей выразительностью рассказывают танцы. Знаменитые балийские танцы, несущие по своему происхождению ритуально-религиозный характер, ныне служат для привлечения туристов. Однако даже в «модернизированной» форме они неизменно производят сильное впечатление.

«Баронг», исполняемый обычно по утрам у стен старого храма, поражает северян своей изумительной красочностью. Танец этот, или, вернее сказать, театрализованное представление, которое продолжается около часа, изображает борьбу мифического зверя Баронга, символизирующего собой доброе начало, со злой ведьмой Рангдой — воплощением зла. В конце представления слуги Баронга, вооруженные кинжалами-крисами, бросаются на Рангду, пытаются убить ее. Однако попытки эти безуспешны, поскольку Рангда наделена бессмертием. В ярости слуги Баронга наносят себе сильные удары этими тускло поблескивающими кинжалами, напоминая формой лезвия извивающуюся змею. Один из слуг хватает маленького живого цыпленка и разрывает его пополам зубами, рот его в пуху и крови... Тогда из храма выходит жрец. Он брызгает на беснующихся слуг Баронга освященной водой, чтобы успокоить их. Исполнители танца должны обладать большим мастерством, чтобы случайно не поранить себя. Говорят, что бывает и так. Во всяком случае зрители, которые уже не раз видели это представление, во время финальной сцены предпочитают отсесты подальше.

Тем, кто видел фильм о визите Н. С. Хрущева в Индонезию («Наш друг Индонезия»), вероятно, запомнился знаменитый «обезьяний танец» — «кечак».

...В деревушке, километрах в двадцати от Денпасара, на площадке перед храмом сидят в кругу 100—150 юношей и мужчин в одних лишь набедренных повязках. У каждого из них за ухом — белый цветок. Темнеют дали, сгущаются сумерки. Жрец зажигает установленный в центре круга масляный светильник. При его мерцающем свете в середину

круга выходит другой жрец, одетый в белое, и так же, как в финале «Баронга», брызгает на сидящих освященной водой, чтобы «объединить их мысли», как объясняют нам. И вдруг в наступившей тишине раздается чей-то выкрик, которому вторят сидящие в кругу. «Чак-чак-чак-чак-чак!» — часто выговаривают они вполголоса, покачиваясь в такт всем телом. Ритм этого «обезьяньего говора» то ускоряется, то замедляется, голоса то утихают, то звучат с удвоенной силой. Из темноты слышатся надрывные крики, хриплый смех — это голоса демонов. Сидящий в стороне старик громко поясняет на современном балийском языке смысл разворачивающегося действия, разыгрываемого по традиции на языке древнего Бали, известном ныне лишь жрецам да ученым.

Из темной двери храма гигантским прыжком прямо в центр круга попадает «царь обезьян». «Ча-а-а-а!» — приветствуют его «подданные», разом поднимая руки к звездному небу.

Сюжетом «кечака» служит борьба за власть двух обезьян — братьев Субали и Сугривы. Легендарный герой Рама приходит на помощь Сугриве и поражает Субали стрелой из своего лука. Однако эффект «кечака» заключается в том, что игра его «соллистов», как бы прекрасна она ни была, всегда будет бледнеть перед игрой «статистов», активно участвующих в разворачивающейся в центре круга борьбе. Их поразительная сыгранность, выразительность движений оставляют незабываемое впечатление. Описать его невозможно, «кечак» надо видеть собственными глазами!

Машина сворачивает с шоссе на пыльную проселочную дорогу и, покачиваясь на ухабах, проезжает через деревеньки центрального Бали, мимо маленьких храмов и зеленеющих рисовых полей. Здесь приезжие бывают не часто, и машина привлекает всеобщее внимание; за ней бегут голые ребятишки, прикрыв глаза ладонью от лучей полуденного солнца, молодая девушка с обнаженной грудью глядит нам вслед. Ее «костюм» не вызывает удивления: женщины и девушки балийских деревень по какой-то древней традиции свою грудь обычно не закрывают ничем.

Мы останавливаемся рядом с полуразвалившимся храмом, под огромным деревом. Пройдя через ворота, входим в лес, самый обычный лиственный лес, на неискушенный взгляд не отличающийся от подмосковного — среди нас нет ботаников, которые тут же на месте уличили бы меня в невежество. На земле лежат пожелтевшие листья, насвистывают птицы. И вдруг видишь, что между ветвей кто-то прыгает, и слышишь неясное бормотание. С ветки на тебя в упор смотрят круглые коричневые глаза

обезьяны. Вот тебе и Подмоскowie! Посреди леса на поляне — небольшой храм. Однако сюда никто не ходит молиться. Единственные обитатели и «хранители» храма — мартышки. Завидев посетителей, они выскакивают из дверей храма, спрыгивают с веток деревьев и бегут к нам, выпрашивая подачку. Одна из них, наверное, наиболее предприимчивая, прыгает на плечо нашего спутника и немедленно обследует его нагрудный карман, ища съестное.

Едем дальше. Дорога поднимается все выше и выше в гору. Внезапно оказываемся в тумане и не сразу осознаем, что это облака. Становится холодно — ощущение, которое европейцу в Индонезии не часто приходится испытывать. «В заоблачной выси», в центре Бали, блистает чистыми прохладными водами романтическое озеро Бедугул. Его окружают горы, сплошь поросшие джунглями. Когда-то на месте озера был кратер вулкана, вероятно, такого же, как вулкан Батур, голая вершина которого видна на востоке. Мрачны и бесплодны его склоны — никакой зелени, никакой жизни. Рассказывают, что сорок лет назад весь Бали потрясло страшной силы извержение Батура, уничтожившее все живое на много километров вокруг. В результате извержения близ вулкана образовалось большое озеро, берега его голы, пустынные и безлюдны, и, хотя, как говорят, в озере много рыбы, к нему и близко никто не подходит — с грозными подземными духами не стоит связываться!

В Денпасар возвращаемся уже ночью. Машина останавливается у края покрытых водой рисовых полей. Ночь безлунная, но мириады звезд освещают тусклым светом поле и чернеющий за полем лес. В воздухе сотни зеленоватых огоньков. «Это светлячки, каждый из них ищет себе пару», — говорит наш друг-балиец.

Тишина. Только журчит вода, и где-то вдали слышится мерный стук барабана. И думается невольно, что сотни лет назад кто-нибудь вот так же стоял здесь, глядя на мерцающих во тьме светлячков и прислушиваясь к таинственным звукам балийской ночи, наполненной древними легендами. В такие моменты жизнь словно останавливается в своем развитии, и мыслями своими ты переносишься в далекое прошлое...

На Бали есть теперь и отличные асфальтовые дороги, и новейшие автомобили, и современные отели, но в то же время этот небольшой остров — неповторимый огромный музей прошлого Индонезии, и это прошлое предстает здесь не в виде пропылившихся, отгороженных стеклом экспонатов — нет, оно живет, живет, как и много лет назад.

ИНДОНЕЗИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Тигр умирает — оставляет полосы, слон умирает — оставляет бивни, человек умирает — оставляет доброе имя.

*

Греби вниз по течению, и над тобой будут смеяться крокодилы, ходи с факелом при луне, и над тобой будут смеяться тигры.

*

Как ни гладь собачий хвост, все равно он не выпрямится.

Если вода спокойна, не думай, что в ней нет крокодилов.

*

Если кот даже в Мекку съездит, вернувшись все равно мяукать будет.

*

Ворону хоть в розовой воде искупай, все равно черная останется.

*

Черепаша снесла тысячу яиц, и никто не знает, курица снесла одно — шуму на всю округу.